

БЕССМЕРТНЫЙ
ПОЛК
ЛЕНИНГРАДА

75 ПОБЕДА!
1945-2020

Сборник
Бессмертный полк Ленинграда

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2020

УДК 82-822
ББК 84 (2Рос=Рус)

Сборник

Бессмертный полк Ленинграда / Сборник — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2020

ISBN 978-5-00025-205-5

В сборник «Бессмертный полк Ленинграда» вошли произведения участников общегородского литературного конкурса, проведенного под эгидой Правительства Санкт-Петербурга. Конкурс был посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и проходил под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто». В своих произведениях петербуржцы делились воспоминаниями о своих близких — отцах и матерях, дедах и прадедах, которые отважно сражались с врагом, защищали родной город, ковали победу на заводах и фабриках, выживали в блокаду — в холод и голод, под бомбежками и артобстрелами. В сборник вошли 90 лучших произведений участников конкурса — стихи, рассказы, очерки, статьи, воспоминания. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-822
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-205-5

© Сборник, 2020
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2020

Содержание

Бессмертный полк Ленинграда	6
Сергей Адамский	8
Предвоенное	8
Екатерина Авдиенко	10
Наш герой – Володар Бирюлев	10
Татьяна Акулова-Конечкая	13
Памяти Валентины Чудаковой	13
Из автобиографии В. В. Чудаковой	15
Тамара Андреева	19
Мой спаситель	19
Мария Амфилохиева	22
Семь чудес блокады	22
Вступление	22
Запев	23
Часть 1	24
Часть 2	26
Часть 3	27
Часть 4	28
Часть 5	30
Часть 6	31
Часть 7	32
Заключение	34
Юлия Андреева	35
Девочка и война	35
Доброволец	35
Война и будущее	36
Тыл	37
Взросление	37
Девочка и судьба	38
Алексей Ахматов	39
Пригороды. 1941 год	39
Лариса Бабкина	40
К сверкающей заре Победы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Бессмертный полк Ленинграда. Сборник

Составитель Е. В. Лукин

Сборник произведений участников литературного конкурса «Неизвестный Петербург», посвященного 75-летию Победы

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

© Лукин Е., составление, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Скифия», оформление, 2020

Бессмертный полк Ленинграда

Великая Отечественная война 1941–1945 годов – самая кровопролитная война не только в истории России, но и всего человечества. Она унесла жизни свыше 70 миллионов человек, в том числе 27 миллионов советских граждан. В нашей стране не было ни одной семьи, которая не понесла бы потери. В результате невероятных усилий всего советского народа, его беспримерного подвига была одержана величайшая победа над самым страшным злом XX века – немецким нацизмом.

Для петербуржцев Великая Отечественная война памятна Ленинградской блокадой. Почти 900 дней наш город находился во вражеской осаде, подвергаясь суровым испытаниям. В этом противостоянии горожане победили, проявив стойкость и мужество. Именно поэтому общегородской литературный конкурс «Неизвестный Петербург», проводимый под эгидой Комитета по печати и взаимодействию со СМИ, был посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и проходил под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто».

Следует отметить, что конкурс прошел с большим успехом. В нем приняли участие самые разные категории петербуржцев – от ветеранов войны и труда до юных школьников, от научных сотрудников и краеведов до студентов, рабочих, бизнесменов. Горожане стремились поделиться воспоминаниями о своих близких – отцах и матерях, дедах и прадедах, которые отважно сражались с врагом, защищали родной город, ковали победу на заводах и фабриках, выживали в нечеловеческих условиях блокады – в холод и голод, среди бомбежек и артобстрелов.

Каждое из произведений, а их было прислано на конкурс более шестисот, достойно высокой оценки, поскольку свидетельствует о великом подвиге наших предков. Но среди множества работ компетентное жюри выбрало три.

Прежде всего, был отмечен очерк «Встреча в поселке Кикерино» ветерана петербургской журналистики, сотрудника старейшей российской газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Евгения Веселова. В своей работе он рассказал историю любви своих родителей – старшего лейтенанта Александра Колодежа и девушки Антонины Веселовой из поселка Кикерино, который зимой 1944 года освободили от врага бойцы подразделения Александра Колодежа. Эта прифронтовая любовь завершилась трагически в 1946 году: отец был убит бандитами на центральной улице Киева, а мать скончалась от туберкулеза на исправительных работах. Плод их любви – полуторагодовалый сын – остался сиротой. Позднее, став взрослым, Евгений Веселов разыскал в Киеве свою бабушку, которая передала ему на памятное хранение награды отца – храброго офицера, участника прорыва блокады Ленинграда. Благодарный сын посвятил родительской любви прекрасные стихи:

Как будто однажды в рассвете сторожком
родители встанут в саду у плетня,
где пряной и сладкой ботвою картошки
завалена наша стерня.

Тот вечер стоит у моей колыбели.
Печурка, гармонь инвалида, родня.
И добрые козы во мраке белели —
как отсвет ушедшего дня.

Следующую работу, которую отметило жюри, прислала на конкурс выпускница Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена предприниматель Анна Герасимова. В прошлом году она стала лауреатом конкурса «Большая любовь – Санкт-Петербург», органи-

зованного киностудией «Ленфильм» при содействии Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Особенность ее творчества состоит в том, что Анна Герасимова не только пишет стихи, но и по их сюжетам снимает короткометражные фильмы. На конкурс одаренная поэтесса прислала балладу «Павший расчет», посвященную героической гибели советских бойцов под деревней Астрачи на Волховском фронте. По благословению епископа Выборгского и Приозерского Игнатия на сюжет этой баллады Анна Герасимова уже сняла одноименный фильм.

Третья работа, отмеченная жюри, принадлежит перу ученицы 7 класса школы № 380 Красносельского района Санкт-Петербурга Ангелины Барановской. Талантливая школьница рассказала о прабабушке и прадедушке. В годы немецкой оккупации они, рискуя собственной жизнью, укрывали в своих домах в белорусском местечке Друе еврейскую семью – молодую женщину Либу Левитанс и ее малолетнего сына Майера. В 1998 году предкам Ангелины Барановской было присвоено почетное звание «Праведники народов мира», а также вручена медаль, на которой была надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасет одну жизнь, спасет весь мир». Их имена также были высечены на стене Почета в Саду Праведников народов мира на территории Мемориала Холокоста в Иерусалиме. В честь каждого праведника было посажено дерево.

Поощрительными призами жюри отметило десять работ. Это исследовательские статьи «Недосягаемый Жуков» Александра Медведева и «Памяти Валентины Чудаковой» Татьяны Акуловой-Конецкой, яркие публицистические стихи «Осьмушка хлеба» Виталия Летушева и «Маршал Жуков» Владимира Скворцова, лирические эссе «Лист брусничника» Вячеслава Овсянникова и «Там, вдали за рекой» Дмитрия Рукавишникова, биографические повествования «Далекое и близкое» Валентины Черниковой и «Дедушка Илья Васильевич» Николая Прокудина, документальные зарисовки «Мой героический прадед» Ярослава Антипова и «Ковпак – мой легендарный прадед» Андрея Вавилонова.

Кроме того, по результатам конкурса выпущен сборник «Бессмертный полк Ленинграда», куда вошли девяносто лучших работ. Писатели и журналисты, ученые и студенты, ветераны и школьники – таков широкий круг авторов сборника. Каждый из них стремился рассказать о своих славных предках, стремился создать достоверные литературные портреты героев для бессмертного полка Ленинграда.

Владимир Рябовол,

Председатель Комитета по печати и взаимодействию со СМИ

Сергей Адамский

Предвоенное

Фото без возраста: времени вопреки —
Юность. Цветут улыбки со всех сторон.
Этот, что слева, вроде, писал стихи...
Этот, что справа, кажется, был влюблен...

Тонкая шея. Строгий, простой наряд.
Девушка. В самом центре. Сидит одна.
Темные волосы, победоносный взгляд.
Фото осталось. Дальше была война.

«Время настало встретить врага в штыки!»
«В схватке смертельной будь до конца силен!»
«Не отступает тот, кто писал стихи!»
«Страх не знает тот, кто бывал влюблен!»

«Кровь – не помеха!» «Предки зовут на бой!»
«За справедливость!» «Мир не забудет нас!»
«Ты возвращайся! Будем тогда с тобой...»
«Парни, в атаку! Ну же! В последний раз...»

Раны земные бережно скрыли мхи;
Павших оплавав, стих колокольный звон.
Слева, под липами, тот, что писал стихи;
Справа, у озера, этот, что был влюблен.

Легкие души взмыли под сень небес;
Прямо. Не проходя через строгий суд.
«Не понимаю!» – ворчал недовольный бес: —
«Вот уж не думал, что этих двоих спасут!»

«Шанс уникальный – правилам вопреки —
Им за какие заслуги определен?
Этот, бездельник, всего лишь “писал стихи”!
Этот, нахлебник, только-то “был влюблен”!»

Спрячут и ангелы в голос который день:
«Случай беспрецедентный!» «И две души!»
«Видимо, было с делом возиться лень?»
«Нет, же! Он точно взвесил, потом решил!»

«Ночью бродил по саду и вдоль реки,
И бормотал – мне старый поведал клен:

«Все-таки, тот, что слева, писал стихи...»

«А этот, что справа, все-таки был влюблен...»

© Адамский С., 2020

Екатерина Авдиенко

Наш герой – Володар Бирюлев

Мой двоюродный дед, Володар Иванович Бирюлев, ветеран Великой Отечественной Войны, воевал в Венгрии и Румынии. Почти дошел до Берлина! Сколько раз Володар Иванович мог погибнуть, но судьба подарила деду возможность жить. В этом году, 31-го января, ему исполнилось 95 лет. Володара Ивановича знают многие, про него неоднократно писали статьи и снимали репортажи. В 2012-м году Володар Бирюлев выпустил книгу под названием «Моя жизнь – поиски и находки».

Володар Бирюлев родился в 1925 году. После Октябрьской Революции в 1917-м многим детям давали соответствующие имена: Владлены, Вилены, Сталины. Деда называли в честь революционера Владимира Володарского. В метрике наш герой записан как Володар, а во дворе все его Вовкой звали. Имя деду в жизни очень помогает: оно запоминается раз и навсегда.

Родители Володара Ивановича были из простых семей. Родились в одном году, в 1902, жили долго и счастливо, двоих детей вырастили (у Володара Ивановича был старший брат Валентин). Отец, 19-летний курсант Иван Бирюлев, был награжден орденом Боевого Красного Знамени за активное участие в боях в Кронштадте в 1921-м году.

Когда началась война, Володар Бирюлев окончил 9-й класс. В 1941-м году мама нашего героя Мария (в девичестве Уткина) достала билеты на поезд в деревню Игнатово. А уже в марте 1942-го возвратилась в блокадный Ленинград. Немногим позже вернулся из госпиталя старший брат Володара Ивановича Валентин, где его лечили после ранения. Мне очень трудно описать ту радость, то счастье, когда во время войны двое сыновей находятся вместе с родной матерью...

В феврале 1943-го наш герой получил повестку в военкомат. Поскольку у Володара Ивановича зрение было не очень хорошее, «окончательный вывод медкомиссии гласил: “Не годен к строевой службе, но годен к физическому труду”».» А спустя месяц Володар Бирюлев поехал в Москву, и ему предложили работу охранником завода п/я 31. Но у нашего героя была цель: во что бы то ни стало добиться перевода в действующую воинскую часть. И Володар Иванович схитрил. В ближайшей аптеке списал ту самую таблицу, по которой врачи-окулисты проверяют зрение, и выучил ее наизусть. В результате наш герой стал курсантом 9-го учебно-танкового полка и лично участвовал в уничтожении немецких солдат!

Вот, что нам рассказывал Володар Иванович:

«21 ноября 1944 года нашей танковой бригаде дали команду прорваться в Картал (Венгрия). Прошли полдороги, увидели в окопах немецких солдат и уничтожили их. Заметили летящих сверху Мессеримиттов. И вот уже нас начали бомбить, а у нас нет никакой поддержки: ни пехоты, ни авиации. И скрыться некуда, поскольку везде открытое поле. И вот я говорю нашему командиру: “Юра, давай вперед! Пока там бомбят, мы уже убежим”. Но назад бежать нельзя, потому что приказ “Ни шагу назад!”. Надо бежать только вперед. А там стреляют. Мы из всех своих пушек стали стрелять в ответ по трем батареям, разбили их в пух и прах. Но нам нельзя въехать в село, которое было целью атаки, потому что там могли быть Фаустники. И вот по радио сообщаем: “Село готово к сдаче, потому что там уже обороны нет. Давайте пехоту!” “Ждите, сейчас пехота будет!” – ответили нам. Раз командир приказал ждать, значит, будем ждать. Надо маскироваться. А как маскироваться, если кругом только поле и большие скирды кукурузной соломы?»

Один танк въехал в копну, затрусив следы гусеницы. Казалось бы, все, порядок! Мы тоже попытались въехать, но поскольку там уже места не было, поехали задним ходом в другую. И это нас спасло от бомбежки, потому что бомба попала именно в ту копну, и танк загорелся вместе с соломой. Оставшиеся в живых бегут к себе. К вечеру из 7-ми машин целой осталась только одна наша. Пехота так и не подошла, и мы решили действовать по обстановке. Но только мы из копны вылезли, а там “Тигр” подошел. Как швальнул по нам. Недолет. А наводчик-то видит, куда упал снаряд. Еще раз шибанул. Пробило переднюю броню, пробило нашего механика и ушло в мотор. Надо выпрыгивать. Ребята все выскочили, а у меня сил нет. Меня за руку схватили и вытащили из люка, который находился на крыше танка. Только вытащили, он как пыхнет! И вот мы скрылись за горящую машину и поползли к себе. Когда сидишь в машине, не слышишь ни выстрелов, ничего. А когда вылезли, немцы и стреляют, и мины кидают. Решили драпать. Я еле-еле иду, слышу, сейчас мина брякнется. Ложимся. Лежим, мина шпокнет, и все, кто цел, бегут дальше. Немцы остались сзади, свои где-то впереди. Чувство опасности прошло, а вот чувство злости возростало с каждой минутой. Из-за того, что какие-то там командиры не договорились меж собой, нам не помогли, сгорело 7 танков. И вот иду, и слышу выстрелы минометов уже с нашей стороны. Я на эти выстрелы

и пошел. Минометчики меня увидели: “О, еще один, горелый! Иди, твои уже пробежали”. “Не могу, ребята!” – говорю. “Пустите меня к себе”. Посадили на тележку, довели до ближайшего села. Ни есть, ни пить я не мог. Сразу спать лег. Наутро пошел искать свою часть. Мне навстречу писарь: “О, и ты, Володар, жив? А я на тебя уже похороночку написал”. “Так дай на память!” “Нельзя, это денежный документ, только в присутствии начальства уничтожается”. Собрались мы, кто остался живой, винца выпили и дали себе клятву: каждый год, 22 ноября, встречаться и отмечать как второй День рождения всех тех, кто в этом бою был».

Безусловно, этот подвиг был оценен, а через некоторое время вышло распоряжение: «Наградить всех членов экипажей семи танков: сержантов – медалью “За отвагу”, а офицеров – орденом “Красная Звезда”!» Это была первая боевая награда нашего героя!

Володар Бирюлев – человек с интереснейшей судьбой, ярчайший пример для подражания. К сожалению, с каждым годом ветеранов и участников Великой Отечественной Войны становится все меньше. Их почитают, чествуют, гордятся ими. Ведь если не было бы героев, не было бы и нас...

© Авдиенко Е., 2020

Татьяна Акулова-Конецкая

Памяти Валентины Чудаковой

К 95-летию со дня рождения В. В. Чудаковой

«Чижик – птичка с характером» – так называется самая известная книга Валентины Чудаковой – повесть о войне, которую она прошла наравне с мужчинами.

Валя Чудакова ушла на фронт Великой Отечественной 28 июня 1941 года, когда немецкие танки подступали к городу Дно. Разведчики, с которыми она воевала, прозвали девочку с косичками, успевшую окончить лишь восемь классов Дновской средней школы, Чижиком.

Ей исполнилось двадцать лет, когда пришла Победа. И двадцать лет потребовалось Валентине Чудаковой, чтобы прийти к художественному осмыслению пережитого на войне, – и словом «держать за Россию ответ».

Первая повесть Валентины Чудаковой «Чижик – птичка с характером» увидела свет в 1965 году в журнале «Нева».

Валентина Чудакова родилась в Ленинграде, жила с родителями на Петроградской стороне – на Петропавловской улице в доме № 6/8.

Родители были репрессированы, о них известно немного, да и сама Валентина Васильевна не все о них знала – этому помешала война.

Ее мать – Анастасия Дмитриевна – училась в гимназии г. Новоржев Тверской губернии; по профессии – агроном. В конце 1930-х годов она была арестована в д. Спирово Бежаницкого района Великолукской области; умерла в 1940-м году (не в заключении).

Отец – Василий Иванович Чудаков – из крестьян Тверской губернии, служил во флоте. Он рано покинул семью, и троих его детей кормили жена и бабушка.

В анкете кандидата в члены ВКП(б) В. Чудаковой (1943 г.) указано, что отец умер в 1936-м, позднее она писала: «Был военным моряком, защитник Ленинграда, работал инженером-электриком на заводе “Электросила”».

Сбежавшая в 1941-м на фронт из дома бабушки Валя Чудакова долго не знала о судьбе отца. В ее наградном документе 1943-го года членом семьи названа лишь подруга М. Б. Малашина (г. Горький): бабушка Мария Григорьевна, Галина и Дима – сестра и брат Валентины, во время войны оказались на оккупированной фашистами территории в г. Дно. Лишь в 1949-м Валентина Васильевна узнала, что они живы, что жив и отец, работает инженером-электриком в Пскове.

Из автобиографии В. В. Чудаковой

Я – старший лейтенант Чудакова Валентина Васильевна родилась в Ленинграде 4 апреля 1925 года в семье студентов – мать заканчивала сельскохозяйственный институт, отец – Военно-морское училище им. Фрунзе. Позднее мать работала агрономом при Ленинградском ОБЛЗО (Областное земельное управление. – Т. А.), отец – инженер-электрик водного транспорта.

В 1933 г. я пошла в первый класс и окончила семилетку в 1940 г. в г. Дно, Ленинградской обл., где в это время проживала у бабушки. Мать умерла в 1940 г. Отец работал с 1938 года в п. Вытегра в Управлении Внутренних Водных Путей Шекснинского бассейна.

В 1941 г. я окончила 8 класс Дновской средней школы и на шестой день войны добровольно вступила в ряды РККА, в 183 с[трелковую] д[ивизию] С[еверо]-3[ападного] фронта под г. Порхов Ленинградской области.

С тех пор и по январь м-ц 1945 г. находилась в Действующей Армии на фронтах Отечественной войны. Была сначала красноармейцем при разведке, потом санитарным инструктором. В декабре 1942 г. окончила курсы мл. лейтенантов при 29 Армии (ускоренный курс. – Т. А.). После чего была назначена командиром пулеметного взвода в 312 с. д., где и прослужила по август 1943 года. После ранения была назначена в 207 с. д., где служила до февраля 1944 года в качестве командира пулеметной роты, а позднее, командиром отдельной учебной стрелковой роты.

С февраля 1944 г. по январь 1945 года находилась в 153 Армейском запасном стрелковом полку в должности командира пулеметной роты <...>

[1946 год]

Из «Послужного списка» В. В. Чудаковой

Воспитанницей 183-й стрелковой дивизии Валя Чудакова стала в шестнадцать лет. «Была посыльной при штабе – доставляла боевые пакеты, – вспоминала Валентина Васильевна. – Помогала полковому писарю. Хлорировала питьевую воду. Драила котлы полевых кухонь. Перевязывала раненых. Писала под их диктовку письма домой. Стирала бойцам портянки. В окружении ходила в разведку. Хоронила убитых...»

Представляя Валентину Чудакову к первому ордену Красной Звезды, командир ее стрелкового батальона майор Сандомирский отмечал: «...В ночь с 10-го на 11 марта 1943 года с пулеметным расчетом выбила противника в количестве 15 человек из деревни Касня и заняла ее. В этом неравном бою она действовала без участия стрелковых подразделений».

НАГРАДНОЙ ЛИСТ САНИНСТРУКТОРА 227 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА 183 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Тов. ЧУДАКОВА в наступающих боях части показала себя решительным, храбрым медработником. В боях за дер. Воробьева находясь на передовой линии оказала медицинскую помощь более 50 раненым бойцам и командирам и сама непосредственно принимала участие в атаке в штурманской группе, где была ранена.

За проявленное мужество и отвагу красноармейца ЧУДАКОВУ награждают правительственной наградой орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Командир 183 стр. дивизии Генерал-майор Костицын 5 апреля 1943 г.

В свои неполные восемнадцать лет Валя Чудакова уже командир пулеметной роты и боялась не смерти, а «как бы не подвел пулемет». Своими слабыми девчоночьими руками она

удерживала тяжелое тело «максима», чтобы не так сильно прыгала мушка, и уверенно направляла огонь пулемета на бегущих немцев.

Связисты дали Вале позывной – «Малыш»...

В. Чудакова воевала на пяти фронтах: на Северо-Западном (1941), Калининском и Западном (1942–1943), 2-м Прибалтийском (1944) и 2-м Белорусском (1945).

«В основном мы страдали от холода, – писала Валентина Чудакова. – Отоспаться в тепле – вот оно немудреное походное солдатское счастье...» Предметом мечтаний на войне для нее был «новенький пистолет-пулемет Столярова, не так давно принятый на вооружение».

Во время кровопролитных страшных боев под Ржевом в 1942-м Чудакова получила первое ранение. «Мы наступали на Ржев по трупным полям», – вспоминал участник тех сражений А. А. Михин в книге «“Артиллеристы, Сталин дал приказ!” Мы умирали, чтобы победить» (2006).

И память об этом никогда не отпускала Валентину Чудакову.

«Глядя сегодня на военные фотографии, вспоминаю дни минувшей войны, друзей-товарищей... Вспоминаю тот день августа сорок второго, тот тяжелый бой, – рассказывала она на открытии фотовыставки «По дорогам войны» (1975 г.). – Наша дивизия стояла под Ржевом, удерживала здесь большие силы противника. Задача была очень ответственная, ведь мы не давали фашистам перебросить свои войска под Сталинград, где решалась тогда судьба города. Враги не оставляли нас своим вниманием. Атаки сменялись одна другой, а в тот день гитлеровцы пошли на решительный приступ. Хотели подавить нас психологической атакой. Когда ранило комсорга Диму Яковлева и наш единственный пулемет замолк, я, быстро перевязав товарища, легла за пулемет сама. Не сразу почувствовала, что ранена, а почувствовала, когда пошла горлом кровь и боли в спине сковали движения. враг был уже отбит. За этот бой я получила свою первую Красную Звезду. А вскоре, после выписки из госпиталя, попала на курсы младших лейтенантов, стала командиром пулеметного взвода. Было мне тогда чуть меньше восемнадцати.» (Сов. фото. – 1975. – № 5).

В 1943-м Валентина Чудакова получила тяжелое ранение в боях за Дорогобуж, а впереди было участие в штурме Смоленска. В Белоруссии (у Добромыслей и Орши) ее опять дважды ранило, уцелела Валя чудом. Последнее, пятое, тяжелое ранение постигло ее в 1944-м в районе Пустошки, где шла подготовка сил для прорыва знаменитой немецкой оборонительной линии «Пантера», которую немцы считали неприступной. Товарищи, многие из которых годились ей в отцы, посчитали тогда Валентину погибшей. Но она опять выжила и была отправлена для прохождения службы в запасной стрелковый полк.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА 597 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА 207 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Старший лейтенант ЧУДАКОВА, участвуя в боях под НОВЫМ СЕЛОМ БССР – с 18.11 по 29.11. 43 года и на участке БАЙКИНО – ГРЕЧУХИ Пустошкинского р-на Калининской области (ныне Псковская обл. – Т. А.) с 12.1. по 17.1.44 года проявила отвагу и мужество, умение управления своим подразделением.

В первый же день боя под НОВОЕ СЕЛО батальон овладел передовыми траншеями противника и продолжил их удерживать, отражая непрерывные контратаки.

В этих боях, с личным составом своей роты ст. лейтенант ЧУДАКОВА, принимая на себя всю тяжесть боя, умелой организацией огня своих пулеметов, а также увлекая личным примером бойцов обеспечивала продвижение пехоты и овладение траншеями.

В боях за д. БАЙКИНО ст. лейтенант ЧУДАКОВА также самоотверженно руководила своей ротой, проявляя находчивость и отвагу.

Достойна правительственной награды – ордена «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2 СТЕПЕНИ».

Командир 597 СП Подполковник Никифоров 25 февраля 1944²

Валентина Васильевна рассказывала, что на фронте ее представляли к званию Героя Советского Союза, но какая-то штабная крыса наложила резолюцию: «Уточнить – он, она или оно...». Не поверили, что девчонка из боя в бой ведет за собой роту взрослых мужиков-пулеметчиков.

За ратный подвиг В. В. Чудакова награждена тремя орденами Красной Звезды (27.03.1943, 05.04.1943, дата награждения третьим орденом нам неизвестна), орденом Отечественной войны II ст. (16.03.1944), медалью «За Победу над Германией» (1945).

* * *

В 1944 году Валентина Чудакова вышла замуж за Виктора Мичурина. Был он уроженцем города Ярославля, состоял в родстве с известным актером театра и кино Геннадием Мичуринным (1897–1970).

26-летний гвардии майор Виктор Константинович Мичурин был под стать Валентине: в армии с 1938-го года, участник польской (1938 г.) и финской (1939–1940 гг.) кампаний, в Великой Отечественной – с ноября 1941-го; награжден тремя орденами: Красного Знамени (18.03.1942), Александра Невского (09.08.1944) и Отечественной войны II ст. (09.06.1945), медалями, в т. ч. «За оборону Москвы» (28.10.1944) и «За взятие Берлина» (20.12.1945).

Они встретились в начале 1944-го, во время совместной службы в 153-м Армейском запасном стрелковом полку 3-й ударной армии, Мичурин был командиром батальона.

Своего первенца – сына Михаила – Валентина Васильевна родила на родине мужа – на ярославской земле – за месяц до Победы.

Как складывалась семейная жизнь В. Чудаковой и В. Мичурина, неизвестно. Брак этот не был долгим, возможно потому, что Валентина не смогла забыть о главной своей потере на войне – бесстрашном комбате украинце Мише Федоренко. В 1941-м он ушел из Ленинграда в народное ополчение в синем рабочем комбинезоне. Капитан Михаил Платонович Федоренко (1918-18.08.1942) был смертельно ранен в бою у деревни Маслово под Ржевом и скончался на глазах у Валентины. Своего первенца она назвала именем любимого...

В 1945 году Валентине Чудаковой пришлось учиться жить в условиях мирного времени. Она уже не была той девочкой в белом платьице и легких тапочках, что без оглядки убегала из бабушкиного дома защищать Родину, не было больше и «веселого беззаботного Чижики» – «пехотного юнга». За ее плечами – страшный опыт войны, а в походной сумке – военные дневники.

В. Чудакова окончила Ленинградскую юридическую школу и четыре курса Всесоюзного юридического заочного института им. М. И. Калинина, работала народным судьей во Мгинском районе Ленинградской области и во Фрунзенском районе Ленинграда (1948–1957 гг.). В этих сухих строках ее биографии многое скрыто.

Спустя годы на похоронах писателя-фронтовика Виктора Курочкина (1923–1976) Валентина Васильевна рассказывала, как после Ленинградской юридической школы их с Виктором послали «на второй фронт – вышибать из лесов Новгородчины бежавших туда полицаев и уркаганье». Позднее сообщила вдове писателя: «Хлестануло нас и “Ленинградское дело”. Высоким начальникам срок вlepили, а ленинградцев пониже всех выдавили с Новгородчины “от греха подальше”». Напомню, что «Ленинградское дело» – это серия судебных процессов в конце 1940-х – начале 1950-х против партийной и государственной верхушки страны.

В те неоднозначные годы Валентина Васильевна снова вышла замуж, в 1953 году родила сына Петра, в 1955-м – дочь Катю. До 1965 года она работала старшим инспектором в отделе кадров треста «Севзапэлектросетьстрой».

Второй брак долгим тоже не стал. Сильная и независимая Валентина Васильевна пожертвовала женским счастьем, выбрав одинокий путь в литературу. После публикации своей первой повести «Чижик – птичка с характером» она сосредоточилась на литературной работе, пять лет трудилась редактором Лениздата (1966–1971 гг.) – это был ее «литературный институт».

Произведения Валентины Чудаковой – «Ратное счастье», «На тихой Сороти», «Коменданты, интенданты...», «Командир роты», «Когда я была женщиной», «Как я боялась генералов» – не переиздаются, и это несправедливо.

Ее проза автобиографична, почти всегда В. Чудакова называет по имени тех, кто реально прошел рядом с ней войну. И есть еще одна ценная черта в ее книгах: она понимает и по-настоящему любит солдата – рядового труженика войны, хотя спуску не дает никому.

В ее книгах захватывает не только сюжет – невыдуманный, а выстраданный, волнует и язык ее прозы. В детстве – у ласковой Сороти, которая «петляя по безбрежной равнине, как светло-голубая лента, блестела на солнце», а «у самой воды стояла высокая тонкая мачта, предназначенная для подъема и спуска лагерного флага», бегая «по тенистым дубовым аллеям и неведомым дорожкам» Михайловского и Тригорского, на солнечной поляне под дубом уединенным и на скамье Онегина – Валентина Чудакова впитала «нагую простоту» родной речи, красоту пушкинского слова.

Впервые о судьбе В. В. Чудаковой я услышала от писателя Виктора Конецкого. Виктор Викторович как-то заметил, что для него в писательской организации Ленинграда самые достойные – Валентина Чудакова и Радий Погодин. Он смотрел на них, фронтовиков, восхищенными глазами благодарного блокадного мальчишки.

Валентина Васильевна Чудакова умерла 14 июля 1989 года. Ей было всего шестьдесят четыре года. Она ушла с застрявшим под сердцем вражеским осколком и пробитыми на войне легкими.

За три года до смерти В. В. Чудакова была награждена орденом Отечественной войны I степени.

* * *

Я живу в писательском доме на улице Ленина (быв. Широкая). Пару лет назад в парадном нашего дома, что помнит решительные шаги жившей в квартире № 22 Валентины Васильевны, кто-то оставил на подоконнике за ненадобностью книги, подаренные некогда Чудаковой: на одной из них дарственная надпись моряков Кронштадта, на другой – капитана дальнего плавания Юрия Клименченко...

«Иных уж нет, а те далече...»

Книги переданы в Кронштадтский морской музей.

© Акулова-Конечкая Т., 2020

Тамара Андреева

Мой спаситель

В конце мая 1941 года на торжественном школьном вечере за отличную учебу мне вручили подарки и брайлевский прибор для письма слепых с гравировкой: «Отличнику учебы Тамаре Андреевой, Институт слепых детей, Ленинград 1941 год». Это был для меня бесценный подарок: мне теперь не нужно было обращаться к родителям за помощью, чтобы записать сочиненные мною стихи или нужную мне информацию, он делал меня более самостоятельной. С ним я могла без помощи других людей читать книги, расширяя кругозор, обогащаясь новыми знаниями. Я была по-настоящему счастлива, бережно относилась к прибору, даже ночью хранила его под подушкой.

На лето мама и я уехали отдыхать к бабушке в деревню. А в августе ее захватили фашисты и мы оказались в оккупации. В оккупированной деревне остались женщины, старики, дети, больные. Беззащитные и беспомощные люди растерялись. По деревням бродили отставшие от своих частей красноармейцы. Жители кормили, одевали их, прятали. Так в тылу у немцев стали создаваться группы сопротивления и партизанские отряды, жестоко расправлявшиеся с захватчиками. Но враг бы вооружен и беспощаден, особенно с минным населением. Если немцы подозревали, что жители связаны с партизанами, они сжигали деревню с живыми людьми.

В двух километрах от нас находилась деревня Стега. Мы оказались свидетелями средневековой дикости: жителей согнали в колхозный скотный двор и подожгли. Мы слышали нечеловеческие крики людей, горящих заживо. Когда мы пришли на пепелище, деревня была пуста. Только в одном доме стоял на столе гроб с умершим стариком – единственным неммым свидетелем гибели односельчан. Собрались жители окрестных деревень, выкопали общую могилу, похоронили старика вместе с пеплом его соседей и родственников.

Бабушкин дом был в некотором отдалении от нашей деревни, поэтому партизанам было удобно незаметно приходить к нам и прятаться. Мама и бабушка пекли хлеб, готовили продукты, шили маскировочные халаты. Соседи добровольно приносили простыни, наволочки, полотенца, чтобы чем-нибудь помочь партизанам. Но нашлись предатели...

Январским морозным утром 1943 года в деревню явился отряд врагов с полицейскими. Фашисты рассыпались по деревне и загнали жителей в дома, у каждого поставили полицая. Мы пытались выяснить у охранника, что с нами будет. Но полупьяный предатель лишь злобно ухмылялся и, упиваясь властью, повторял:

– Узнаете! Скоро узнаете!

Мы догадывались, что фашисты ждут специальный карательный отряд, который имел право жечь деревни с людьми. У немцев и здесь был порядок. Мы не ждали ничего хорошего, но неизвестность терзала нас. Мама налила стакан самогона охраннику, и у него развязался язык. Он хвастливо выложил:

– Вот сейчас спецы приедут и поджарят вас!

Сами не зная зачем, мы оделись потеплее. Просто потому, что нам что-то надо было делать, чтобы не задумываться о будущем. Мама уговаривала меня оставить прибор, но я не соглашалась, прижимая его к груди.

– Доченька, он тяжелый! И неизвестно, что нас ждет впереди.

Но я настаивала, еще сильнее прижимая прибор к себе. Тогда мама большим шерстяным платком привязала прибор к моей груди, надела на меня какие-то курточки, кофточки и пальто. Мы не плакали, а обнимали и целовали друг друга. Страх не было. Внутри все онемело и задубело, пропало осознание реальности. Мы дышали, но были уже мертвы.

Ожидание становилось нестерпимым. Стемнело, но каратели не приезжали. Усилился мороз. Внезапно нам приказали покинуть дом и тут же его подожгли. Мы оказались в аду: все было охвачено пламенем. Огонь буйствовал, расшвыривая горящие бревна, вырывая их из стен строений. Головни летали над деревней, а падая взрывались, раскалываясь на части. Ветер срывал соломенные крыши, и они как факелы появлялись в разных местах, а падая, зажигали все новые и новые костры. В скотных дворах беспомощные животные, пытаясь спастись, бились о стены. От разрывающих сердце криков отчаяния хотелось бежать к ним, но помочь им было уже невозможно. Животные погибали в страшных муках. За что?!

Нас увозили в никуда. За санями бежали преданные, любящие и любимые Тузики, Мурки, Жучки, Васьки, Шарик и еще десятки четвероногих. Развлекаясь, фашисты расстреливали их. Трупы оставались лежать на дороге, укрытые саваном чистого снега. За что?!

Нас увозили в никуда.

Добравшись до какой-то деревни, сани остановились. Кто-то умер. Сопровождавшие нас охранники отвлеклись, не обращая на нас внимание. Неожиданно мама схватила меня за руку и силой резко втащила в ближайший дом, где мы увидели женщину, накрывавшую к ужину стол. При виде нас она испугалась, истерически закричала:

– Убирайтесь вон! Я из-за вас не хочу умирать!

Обеими руками она вытолкала нас к задней двери и сбросила с высокого крыльца к скотному двору в глубокий сугроб. Мы лежали в снегу, дрожа от страха, холода и безысходности, слышали редкие выстрелы. Бежать куда-то было бесполезно. Спрятаться – негде. Но надо пытаться искать выход.

Мы наткнулись на маленькое строение. Через открытую дверь пахло сеном. В этот полуразвалившийся сенник мы и спрятались. Мама положила меня спиной к задней стенке, забросав сеном. Сама закопалась в другом месте. Наконец отряд с пленными удалился. Выстрелы прекратились, наступила относительная тишина. В доме, откуда нас так любезно выбросили, ужинали немцы. Вскоре мы услышали скрип снега: к сарайчику приближались двое, остановились перед входом.

И вдруг я почувствовала сильный толчок в грудь, а за ним еще более мощный. За спиной затрещали доски. Мне показалось, что я взлетела вместе с сараем. Не помню, теряла ли я сознание, но затем услышала удаляющиеся шаги немцев. Мы с мамой молчали: каждая боялась заговорить первой, чтобы в ответ не услышать тишину. Мама не выдержала:

– Доченька... Томочка!

– Мама. – прошептала я в ответ.

Итак, я осталась жива: путь штыку преградил металлический брайлевский прибор для письма слепых. Позже в одежде на уровне груди мы обнаружили две дыры.

Мы снова закопались в сено, согревая друг друга. Я, видимо, уснула.

– Тише! Тише! – шептала мне мама, – Я с тобой! Мы подумаем и найдем выход.

В полузабытьи я билась в ее объятьях, сквозь слезы повторяя:

– Мне страшно! Он догонит меня! Я сторю! Я чувствую, как огненное чудовище хватается меня! Мне жарко!

Этот кошмарный сон многие годы преследовал меня, как Скарлетт, героиню романа «Унесенные ветром». Со временем и это прошло.

Было очень холодно и темно. Выбравшись из сарая, мы побрели по деревне искать помощи у людей. Проходя мимо одного дома, мы услышали детский смех. Решили постучать именно в эту дверь. Нам открыла женщина и без вопросов провела в комнату, где было тепло и вкусно пахло свежим хлебом. Четверо детей с любопытством смотрели на нас. Старшему, его зовут Ваня, было лет двенадцать, как и мне. Когда меня раздели, и мальчик увидел на моей груди прибор.

– Ой! Что это за железо на тебе? Ухты! Это рыцарские доспехи? – удивился он. А в это время мама рассматривала две дыры на кофточках, курточках, пальто и платке, которым был привязан к моей груди прибор.

– Это не рыцарские доспехи, – ответила я ему, – а прибор для письма слепых. Сегодня он спас мою жизнь.

Последние слова он пропустил мимо ушей, разглядывая со всех сторон прибор.

– Ты шутишь! Две железные пластины с дырками, какие-то точки по краю одной железки. Разве можно на этом что-нибудь написать?

– Дай листок бумаги и скажи, что написать.

Ваня подумал и предложил:

– Я хочу, чтобы папа скорее вернулся с войны домой.

Он рассматривал точки и удивлялся:

– Как можно что-то писать, а потом по точкам читать? А кто придумал этот прибор? – спросил Ваня.

– Луи Брайль. В возрасте трех лет острым предметом он ранил свои глаза. И потом полностью ослеп. Вот он и создал систему письма и чтения для слепых всего мира. Он работал в Париже, обучая незрячих. Жил он в прошлом столетии с 1809 по 1852 год. Этот прибор назван его именем: прибор Брайля для письма слепых. Слепые всего земного шара с благодарностью помнят о нем.

Ваня внимательно выслушал и попросил:

– Ты подари мне этот листок на память. Я сохраню его, друзьям покажу и расскажу об этом французе.

Война разделила мою жизнь на «до» – счастливую, и на «после» – трудную. Поэтому я не люблю читать книги о войне и смотреть военные фильмы.

Мой спаситель был со мною в партизанском отряде, расположившемся в лесу, перелетал через линию фронта на самолете У-2, несколько месяцев находился со мной в госпитале, десятки лет служил мне как рабочий инструмент. Теперь он хранится в музее истории школы слепых и слабовидящих в Санкт-Петербурге.

© Андреева Т., 2020

Мария Амфилохиева

Семь чудес блокады Поэма

Вступление

1

Эта тема ко мне подступала,
Окружала, брала на измор,
Поднималась подобием вала
И, нацелясь, взглянула в упор.
Может, в генах заложено прочно?
Снимки блеклы, рассказы тихи.
Я войну не видала воочию,
Но об этом пришли мне стихи.

На Четвертой Советской виденье —
Ледяной фейерверк сквозь туман...
Мне четыре лишь было с рожденья,
Но я помню во дворике кран.
Углового зеленого дома
Вижу: ребра разрыв обнажил.
Мне откуда-то так все знакомо,
Будто я из тех лет старожил.

Но не ужасы и не увечья
Привлекают вниманье мое —
Повседневное и человечье
Непростое житье-бытье.
То, что в нем оказалось сверхпрочным
И в аду невозможных лет
Самой темной блокадной ночью
Приносило надежды свет...

2

Может, и правда – чудо,
Вера: поможет Бог.
Спорить ни с кем не буду,

Зная один итог:
Выжили в Ленинграде
Бабушка, мама моя.
Памяти этой ради,
Строки слагаю я,
Словно венки – к пьедесталу,
Словно цветы – к обелиску.
Время коснуться настало
Памяти смутной, неблизкой —
Мифам семейным в угоду,
Тронутым патиной страха...
Знаю, не в ногу, не в моду,
Строй нарушая, с размаха
Таинств касаюсь сакральных....
Можно ли речью досужей
Так – при свечах поминальных
Там, где трагедии кружат,
В прошлом пытаться ловить
Чуда заветную нить?..

Запев

– Нет, не выжить бы нам в блокаду,
Но случаются чудеса.
Не просить их, а верить надо,
Хоть креститься на образа
И не каждый теперь захочет...
Только истина – чудо есть —
Подтверждается правдой точной:
Мы ведь выжили. Ты ведь здесь.
А погибли бы – и не стало
Ни тебя, ни твоих детей...
Ветви рода бы обломало,
Оборвало чредой смертей.

Не метафора, не рисовка,
Не фиглярство пустых словес —
Просто памяти установка:
Жизнь бы кончилась без чудес...

Говорила об этом мама,
Доказательства приводя.
И мистерия, а не драма
Представляется, в суть вводя.

Часть 1

Чудо о хлебе с салом

Помню с детства – под Новый год
В дом посылочка попадала:
Хрен в кореньях, орехи, мед
И брусок неперенный сала.
Это сало в семье у нас
Все «блокадным» с улыбкой звали
И на хлеб ритуально пласт
Очень тоненький отрезали...

* * *

Той истории зароженье
В довоенный уводит быт.
Дело под вечер. Воскресенье.
У окна Аня сидит.
Вдруг – как торкнуло что-то, – ойкнув,
Из квартиры идет во двор...
А у двери старик какой-то.
Он молчит. И глядит в упор.
Испугалась. А дед бормочет:
– Не узнала, Аня? Я...
Тихо всхлинула:
– Ох, нет мочи! —
Дядю Колю узнать нельзя...
Улыбнулся печально, криво:
– Вот, отпущен. Срок отсидел.
– Как добрался?
– Судьбы извивы...
Уж не рад, что остался цел.
Вышла женушка за другого —
Вот такие, Нюра, дела,
А сестра ее слова злого
Удостоила – прогнала...
– Заходи же ко мне, дядь Коля,
Погости – мы с тобой родня!
– Заночую, Аня. Доле
Не могу – прокаженный я.
Не болезнь, а дурная слава —
Враг народа...
– Молчи, чумной!
Быть с родными – святое право,
Ты считай, что пришел домой.

Он наутро ушел. Рубаху
Нюрка мужнюю отдала,
Узелок собрала, без страху
Проводила...
– Таки дела,
Знай, племянница, помнить стану
Я добро до скончанья дней.
Излечила на сердце рану,
Возвратила веру в людей!

...Вот такая случилась встреча.
С той поры прошло года три.
Темен долгий блокадный вечер,
Не горят в окне фонари.
У буржуйки сидит Анюта,
На кровати – больная дочь.
Муж на фронте. Черна минута.
Холод. Голод. Пугает ночь.
Вдруг – как будто толкнуло что-то —
Поднимается – и к дверям.
А за дверью – и стук, и шепот:
– Вы Анюта? Я, значит, к вам.
Есть гостинец от дяди Коли.
– Проходите же в дом скорей.
Он живой, дядя Коля, что ли?!
– Жив. И много последних дней
Вспоминал вас довольно часто.
Волновался. Посылка – вот.
Адрес верный, дошла на счастье...
И из торбочки достает
Круглый хлеб деревенский, мерзлый,
В марле – сала большой брусок.
– Побегу я. Уже ведь поздно.
– Нет, присядьте хоть на часок.
Расскажите...
– А что рассказы?
Живы – чудом. Прощай, сестра.
Да не ешьте все сало сразу —
Худо будет...
Судьба пестра —
Черной ночью шмат сала белый
Вывел к жизни судьбу семьи...
Круг добра продолжайте смело —
Будет отклик добром вдали.

Часть 2

Чудо о воде из крана

На Четвертой Советской, во дворике,
Перед первой блокадной зимой
Заклинанием «скорики-морики»
Вырос кран с холодной водой.

Маме – семь. Фантазерке кажется,
Что труба проросла сама.
Весел смех. Но уже куражиться
Над людьми начала война.

Чудо было лишь в том единственно,
Что в блокадный шальной мороз,
В злую ночь беспросветно-льдистую,
Кран во дворике не замерз.

Без воды как без хлеба, может быть,
Даже хуже – совсем беда.
И путями смертельно-сложными
Доставалась другим вода.

Потянулись с ведром на саночках,
По ступенькам к Неве скользя.
Погибали так – мама-мамочка —
Всех и вспомнить уже нельзя.

Сколько сил сохранил, воистину
Скольких спас от тяжелых ран
Тот волшебный, увы, единственный
На десятки кварталов кран?!

Выжить в зиму помог холодную,
Но не сам же он впрямь пророс!
Кто же воду водопроводную
Людям вывел во двор – вопрос.

* * *

И по сей день мама не ведает,
Чудо кто сотворил из тех,
Не пришедших домой с Победою,
И молиться идет за всех.

Часть 3

Чудо о неразорвавшейся бомбе

Сколько бомб упало в блокаду,
Разрушенья неся и смерть?
Подсчитать это точно надо,
Только надо в виду иметь,
Что встречались среди них порою
Те, чья внутренность – подвиг тех,
Кто в Германии был с войною
Не согласен, и часто в цех
Приходя, рисковал отважно,
Чтоб смертельной беды запал
Не сработал.
Ах, если б каждый
Против смерти вот так вставал!..

* * *

Дом соседний был в роли штаба
Для домкома. Собранья шли,
Жизнь блокадную злую дабы
Чуть улучшить. Ведь февраль
Пред весной завывают круто,
Снег сгребать – леденеет дух.
Силы нет. Нет людей. Минута
Размышленья...
Вдруг сверху —
бух!

Сквозь разбитые перекрытья
Видят люди железный бок.
Эту бомбу остановить бы
Мог – единственно – русский Бог.
Председатель вдруг поднял руку:
– Все на месте. И бомба тут.
Не волнуйтесь! – сказал с испугу.
Позже – шуткою назовут.

Смерти с жизнью тонка межа:
Бомба встала меж досок прочно,
Продырявив три этажа,
И саперы в дом едут срочно.
Посмотрели: чудней чудес —
Нет взрывателя в бомбе этой,

Но зато в ней записка есть,
А в записке – слова привета.
От германских рабочих дар,
От фашистов с приставкой «анти».

Вы, спасенные, взрыва жар
Не познавшие, тихо встаньте.
Кто-то там рисковал собой,
Чтобы здесь выживали чаще,
Чтоб давали порою сбой
Механизмы смертей разящих.

В том собрание была Анюта...
Что тут лишнее говорить?
Миновала ее минута
Лютой смерти – и надо жить.

Часть 4 Чудо о дровах

1

Хорошо у горячей печки
Вечерком коротать часы:
Чайник дразнится паром млечным,
Тени тянут к углам усы...
Хорошо, если все спокойно,
Нет войны, и довольно дров,
И не кажется клей обойный
Угощеньем, и прочен кров...

Ну а если топить печурку
Вовсе нечем – тогда тоска:
Леденит одеяла шкурка,
Лед куржавится у виска...

А откуда дрова возьмутся?
Город каменный замолчал,
И метели над ним смеются,
Битых стекол дробя оскал.

Но меж каменных строгих зданий,
Что равняли холодный ряд,
Затесался дом деревянный —
Разберут его и спялят.
Целой улице счастье было —

Драгоценнейших дров запас!
И печурка зимой не стыла.
Дом погиб, но соседей спас.

Бревна, доски, щепы, фанера —
Все пошло, все пустили в ход.
Выживающих грела вера:
Дом отстроим, пора придет.
Станет он не таким, как раньше —
Крепче, выше, красивей стать.
О военных ночах без фальши
Будет многим напоминать.

Старый дом, принесенный в жертву,
Поглощенный в печах огнем,
Все горит в обожженных нервах,
Не забыть никогда о нем.

2

Но с растопкой не все так гладко...
Мама – с книжкой, ей восемь лет,
В книжке – бархатная закладка,
От фанеры в буржуйке – свет.

Вся согрелась, глаза смежила,
Книжка – на пол из тонких рук.
Сон приятный, уютный, милый...
Не будите!
Зачем вокруг
Все хлопочут, кричат, волнуясь,
Чуть открыла она глаза?
– Валя, Валечка, ты проснулась?! —
У Анюты бежит слеза
И лицо – побелевшей маской:
– Слава Господу, ты жива!
Угорела: фанера с краской...
Как ты, дочка?
– Мам, голова
Чуть болит, тяжела немного.
Дай мне книжку, хочу читать...
Смерть подкралась совсем к порогу,
Только чудом ушла опять.

Заглянула тогда соседка —
Запах в комнате, мол, «не тот»...
Так вниманье к другим нередко

От беды ответит – спасет...

Часть 5 Чудо о прачечной

На Суворовский загляну:
Серый дом привлечет внимание:
Учреждение, а в войну
Размещался госпиталь в зданье.

* * *

Был обычным больничным быт,
Хоть блокадные дни летели.
Кто лишь ранен, а не убит —
Тот нуждается и в постели,
И во всяком белье другом,
А белье нуждается в стирке.
На Четвертой – с прачечной дом,
Там Анюта стирает, дырки
Залатает на простынях —
Вот и снова бельишко в деле.
Там в чугунных больших котлах
Греют воду, и можно в теле
Ощутить от нее тепло —
Вот и меньше одной заботой.
И Валюшке опять везло —
С мамой тащится на работу
И сидит, привалясь спиной
К чану теплому и читая.
Остается война – войной,
Но в согревшемся жизнь не тает.

* * *

В детской памяти след неяркий,
Мы ходили туда не раз —
Навещала подруг-товарок
Баба Аня. И детских глаз
Впечатленья храню и я:
Были прачечной мрачны своды,
Загляну, испуг затая, —

Пар над чаном с водою...
Годы
Быстро движутся, унося
Постаревших военных прачек.
Дом снесен, а забыть нельзя —
Вехой жизненной обозначен.

Часть 6 Чудо о книгах

Книги – ладные корабли,
Уносящие в мир чудесный
От блокадной больной земли.
Не последнее в жизни место
Занимали у Вали вы.
Хоть и было книг очень мало,
В днях не сгнула болевых,
Потому что захлеб читала.

Помогали укрыться ей
От бомбежек стихи и сказки.
Среди самых голодных дней
Как диковинные салазки,
Ускоряясь с крутой горы,
Уносили ее далеко,
Открывая пути в миры,
Где живет чудак Верлиока,
Где Марийка бежит домой,
Не боясь по пути обстрела,
Где царевич Иван – герой —
Лишь за правое бьется дело.
Там всегда погибает Змей,
Что напал на родные рощи.
В книжках пишется для детей
Все, как в жизни, но ярче, проще:
Без жестоких наплывов зла
И без ненависти-отравы
Будет наша Земля светла —
Книги лучшие в этом правы.

Признавалась мама потом:
Голод будто почти не мучил,
Если в руки ей новый том
Попадался подарком лучшим.

* * *

Чудо – книги уметь читать
Так, чтоб хлебом насущным стали!
Сохраняет на полке мать
Тех друзей, что ей жизнь спасали...
И нельзя мне без спроса, вдруг
Книги в беленькой кальке тонкой
Взять из шкафа, не вымыв рук, —
Это знала еще девчонкой.

Часть 7 Чудо о лампадке

1

Нам не открыты сроки рубежей,
Рождений и смертей неясны даты.
По счастью, мы не ведаем межей,
Что отсекут от близких нас когда-то.

Без этих дат нам легче проживать,
Надеяться и верить в снисхождение
К молящему о жизни. Страхов рать
Замедлит непреклонное кружение...

Но вьюгою в окно стучит война,
Ломая рамы грубым произволом,
И всякая душа поглощена
Заботой удержаться в теле квелом.

Что может поддержать в немую стынь,
Заставит вновь собрать наутро силы
И верить: принесет весна теплынь,
Умножив расстоянье до могилы?

Молилась Анна Богу горячо
Настолько, что морозы отступали
От сердца и иссохшее плечо
Опорой твердой было дочке Вале.

Так многие молились в трудный час
В насквозь промерзшем смертном Ленинграде,

Но скольких все же Бог – увы – не спас
В ужасной, нескончаемой осаде!

На всех не набралось тогда чудес,
Ведь чудо – это только исключенье.
И принял город наш тяжелый крест
Неясного, но важного значенья...

2

Говорила мама о лампадке,
Что в углу светила всю войну.
Огонек неяркий, слабый, шаткий.
Чем его питали – не пойму,

Но горел, шептал в ночи на ухо,
Вопреки бесчисленным смертям:
«Продержись, давай, не падай духом —
Все преодолеть по силам нам».

И пока светил, не угасая,
Верилось Валюше: все пройдет —
Голод, страх, ночная вьюга злая;
Солнышко растопит зимний лед...

Светлый лик на старенькой иконе —
Строгий взгляд взыскателен и добр...
Что еще поддерживало, кроме
Веры? И войне наперекор

Чудодействие искренней молитвы
Аннушкиной, может быть, спасло
Мужа: он вернулся после битвы,
Чтобы счастье в доме проросло.

Может быть, у Вали не случайно
Верю сестренку назовут.
Умолкаю. Потому что тайна —
Сил души неоценимый труд.

И сейчас та самая лампадка
Теплится у мамы в уголке,
Светом высочайшего порядка
Утверждая – в Божьей мы руке...

Заключение

Два слова: чудо, волшебство...
Обманчиво понятий сходство.
Волшебник – фокусник. Его
Старания – забавы просто.
Пусть даже помыслы добры,
Но несерьезно, в самом деле,
Без спичек зажигать костры,
Таскать из шляпы карамели...

А чудеса – иной расклад.
Вы можете не верить в чудо,
Когда о жизни говорят
Обычных буден пересуды.
Но если захлестнет беда
И наглый взгляд безглазой смерти
В упор нацелится – тогда
Вы в чудо накрепко поверьте.

Ведь чудеса – они от нас
Самих зависят большей частью.
И если Бог кого-то спас,
Людское было в том участие.
Земля измучена войной,
Мы все живем в огромном тире,
Но дружбой, верой, добротой
Хранима человечность в мире.

© Амфилохиева М., 2020

Юлия Андреева

Девочка и война

– Элина, расскажите про войну?

– Мне трудно вспоминать как это было: не то, чтоб не хочу или забыла, а нужно говорить за всю страну.

Николай Манацков

Над черным полем порхали белые уголки солдатских писем, они вылетали из развороченного бомбой черного, обгорелого чрева пульмановского вагона, беспомощно кружась в пахнущем гарью воздухе и оседая на черную выжженную землю. Письма с фронта домой, весточки из дома.

Кто теперь соберет в поле черном их белый урожай? Кому собирать?

В который уже раз Элина просыпалась в холодном поту, давась слезами и собственным бессилием. А действительно, что она могла тогда сделать – худенькая девчонка в санитарном вагоне, когда их поезд летел сквозь эту белую метель чьих-то надежд и тревог? Не скажешь же: «дяденьки, тетеньки, давайте остановимся и вернем все на свои места». Не бросишься в обугленную степь за чьим-то ускользящим счастьем.

Элина отвернулась от окна, беспомощные как и она сама, раненые со слезами на глазах смотрели на белую метель солдатских писем. Стараясь не плакать, Элина лепетала слова утешения, говорила, что письма обязательно кто-нибудь соберет, что они непременно доберутся до адресатов.

Черно-белый ужас недавней войны вот уже сколько лет нет-нет, да и пробирался в сны Элины, заставляя ее переживать все снова и снова.

Доброволец

Когда началась война, Элине было 13 лет – явно непризывной возраст, да еще и девочка. Тем не менее, Элина отправилась в госпиталь, где в то время служил ее отец, и попросила пропустить ее в штаб. Конечно она могла попросить отца, дать ей работу в госпитале, но не такой характер у Элины, чтобы позволить себе хотя бы небольшую поблажку. Поэтому приметив у дверей часового, девочка смело направилась к нему.

– Пропустите меня к комиссару.

Оказалось, без пропуска нельзя. Удачно, что много раз, сокращая путь до отцовского кабинета, Элина перелезала через ограду, так что и в этот раз она воспользовалась привычной дорогой. Самое начало войны, часовые еще вели себя расслабленно, и не пальнули в сторону забравшемуся на охраняемый объект постороннего.

В штабе она отыскала кабинет комиссара, вошла и с порога:

– Хочу помогать фронту.

– Что ты умеешь делать?

– Для фронта я умею делать все.

Последовала недолгая пауза, должно быть военный размышлял, что такое поручить настырной девчонке, чтобы она не надорвалась и при этом принесла хоть какую-то пользу. О том, что девчонка не отстанет, он уже понял, по лихорадочному блеску темных глаз.

– Хорошо, будешь разносить раненым почту, писать им письма под диктовку, читать газеты и книги...

Это было мудрое решение. Вежливая, воспитанная девочка, которая будет выполнять мелкие поручения. Кто-то, смотря на Элю, вспомнит оставленную дома дочку, кто-то младшую сестру. Военным людям просто необходимо время от времени общаться со штатскими, тем более, если это домашняя девочка с двумя тугими косичками.

Первое время Элю не ставили на довольствие, проверяли, выдержит ли, не сбежит ли при виде первой крови. Не сбежала, выдержала, прижилась, осталась, стала своей.

Госпиталь располагался в городе Нежин в том самом лицее, в котором когда-то учился Николай Васильевич Гоголь.

Подобно разбушевавшейся стихии фронт катился в сторону Нежина, и добравшись до места, с наскока чуть было не поглотил город. Госпиталь сняли с места и, погрузив в поезда, погнали по всем фронтам.

Так Элина оказалась в самом сердце войны. На счастье, хотя какое там счастье, мама и младшая сестренка находились в том же поезде. Семья решила не разлучаться. Умереть – так вместе. А пока не умерли, всеми силами помогать друг другу.

Из окон поезда были видны черные от гари поля, урожай в 1941 году выдался богатейший, хлеб не успели убрать, его жгли. Низко стелился черный едкий дым, рыжее пламя катилось по полям, пожирая принесенную ему золотую жертву. Для того, чтобы проехать через территорию, полностью охваченную пламенем, пришлось поливать брезент, закрывающий окна и крышу поезда. Дышать было нечем, Элина прижимала одной рукой к лицу мокрое полотенце, обнимая другой рукой плачущую сестру. Когда черный дым остался за спиной, гарью пропахли волосы и одежда, гарь впитывалась в поры кожи, прорисовывая морщины в уголках глаз.

Война и будущее

Им позволили переночевать в сарае на соломе, а на следующий день семью Элины и еще нескольких врачей и сестер посадили на грузовик, и в путь-дорогу...

И вот хрупкая нежная девочка наравне со взрослыми таскает тяжеленные носилки. Занятая каторжной работой среди крови и боли, Элина еще не знает, что война догонит ее уже после победы.

Когда мы говорим о войне, обычно начинается счет, погибших, раненых, искалеченных. Служа на фронте наравне со взрослыми, хрупкая тринадцатилетняя санитарка заплатила самой возможностью иметь когда-либо детей! Надорвалась, и, приговор врачей был неутешительный.

– Ты никогда не сможешь иметь собственных детей! – Смеялась глядя в доверчивые глаза девочки-подростка злобная богиня войны, или это была сама смерть. «Хочешь получить от войны хлеба, дай ей мяса», – вторила ей главная героиня пьесы Бертольда Брехта «Мамаша Кураж». Но Элина не хотела военного хлеба! Она шла на фронт, не за пайком. Все, что она хотела, это работать для фронта. Она ничего не собиралась брать у войны, она жертвовала во имя победы.

Получается, что война умудрилась отобрать у нее то, о чем она еще даже не помышляла, нанеся удар в далеком будущем.

Но на то она и богиня-война, чтобы косить своей кровавой косой не только то, что есть, но и то, что еще даже не появилось, да теперь уже и не появится на свет.

Санитарный поезд летел к Сталинграду. К месту назначения прорывались под непрекращающимися бомбежками, причем немцы прекрасно видели красные кресты на крышах и стреляли по ним, должно быть, находя последние отличной мишенью.

Когда начиналась бомбежка, раздавалась команда «Всем из вагонов!» и все, кто мог, бежали в степь, оставив беззащитный поезд, зачастую с лежащими ранеными в нем и теми вра-

чами и медсестрами, которые не могли отойти от своих пациентов. Горели вагоны, взрывались бомбы, часть состава сходила с рельс, с глухим стоном болезненно заваливаясь на бок.

Когда все заканчивалось, уцелевшие вагоны снова собирались в поезд. Погибших складывали на крыши вагонов, и эшелон спешил дальше. После одной из таких бомбежек отец отправился добровольцем под Сталинград. Со стороны это выглядело самоубийством.

Тыл

В это время госпиталь был эвакуирован в Уральск на переформирование, но часть личного состава, в том числе Эля, ее мама и сестренка, должны были дожидаться назначения в Актюбинске. Об этом городе ходила мрачная шутка: «из Актюбинска две дороги – в землю и на фронт».

Что такое Актюбинск военного времени – тыловой город, в который съезжаются раненые, эвакуированные, словом, все те, кто бежит от разгулявшейся войны или кого нужно там временно спрятать. А ведь всех этих людей необходимо куда-то поселить, чем-то накормить, как-то обогреть... Все школы были отданы под госпитали. Это был тыловой город, где сбились тысячи эвакуированных, раненых.

Жить в таких условиях сложно, впрочем, они и не собирались отсиживаться в тылу. Мама и две ее дочери ждали приказа на фронт, а приказа не было. Пришлось снять комнату и приготовиться ждать. Еды не хватало. Но это еще полбеды, топить было нечем. Начались суровые казахстанские морозы. Дров или угля купить невозможно, точнее возможно, но только за бешеные деньги. Приходилось бродить по степи, собирая кизяки и сухую полынь. Разумеется, они моментально сгорали, хорошо, если успеешь испечь лепешки. Поели, и вроде даже легче стало, теперь другая задача – как-то уснуть в ледяной постели, и не замерзнуть к утру.

Наконец мама нашла через военкомат свой госпиталь и выхлопотала разрешение ехать. Семья, не раздумывая более ни дня, снялась с места и отправилась в Уральск, а оттуда уже со своими в Донецк.

Взросление

Донецк встретил их трупной вонью. В развалинах и шахтах оставались гнить незахороненные останки.

В Донецке Элина тяжело заболела. Без сознания девочку доставили в подвал железнодорожной поликлиники, где разместился главный корпус госпиталя – 5 тысяч коек.

Когда же молодой организм пересилил смерть и девочка заставила себя подняться с койки, она снова работала наравне со всеми. Каждая пара рук на счету. Подвалы нужно было очищать от мусора и битого кирпича, помещения чистили, мыли, ставили железные кровати. В свободное время бродили по городу и вытаскивали из руин разбомбленных домов уцелевшие вещи, которые еще можно было приспособить для нужд раненых.

В это время Элина и ее подруги как-то не сговариваясь приучились молиться, это была странная молитва о том, чтобы их не назначали на ночные дежурства. Говорили, будто ночью по коридорам госпиталя бродит Смерть. Злобное чудовище, уносящее души солдат, за которыми днем ухаживали медсестры. Уходишь вечером к себе, прощаешься с раненым, человек уже пришел в себя, отвечает, даже улыбается, а утром – холоден как камень.

В это время Элина нашла еще один способ трудиться ради победы, она стала донором.

Девочка и судьба

Больше всего на свете, Элине хотелось стать врачом, как ее отец, как люди, которыми она была окружена и которыми откровенно восхищалась. Но у нее была другая судьба.

Перед войной в «Новом мире» Элина прочитала «Тихий дон» и буквально заболела Аксиньей. Сильной, умеющей любить и жить казачкой. Вот бы и ей такой любви, такой силы, вот бы хотя бы на минуту превратиться, стать ею...

Говорят, что для того, чтобы сыграть на сцене сильного человека, необходимо этим сильным человеком быть в жизни. За свою Аксинью Элина Быстрицкая заплатила фронтовыми буднями и военным детством. От начала и до конца войны каждый день она делала то, что была должна, и не задумывалась о наградах. В горниле войны актриса Элина Быстрицкая сформировала свой сложный характер, сделавшись такой, какой и запомнилась она миллионам зрителей.

Конечно, кроме Аксиньи в «Тихом Доне», были и другие роли, роли врачей, которые она так любила, роли сильных целеустремленных людей, роли классических красавиц и даже роли в комедиях.

Всю жизнь Элина Быстрицкая была сильной, верной, не идущей на компромиссы женщиной, всегда старающейся помогать другим людям и не требуя ничего взамен. Такой она и осталась в наших сердцах.

© Андреева Ю., 2020

Алексей Ахматов

Пригороды.1941 год

Мы вывезли все, что сумели,
Под крики безумных ворон.
Уже расстреляли Растрелли
И взорван уже Камерон.

И надо скорей, Бога ради,
Из Павловска всем уезжать.
Уже павильоны Ринальди
Под горку ведут убивать.

И парки похожи на бойни.
И пал под бомбежкой Земцов.
Они достают броневойными
До двух предыдущих веков.

И вывороченные корни
Разрывов вдоль улиц встают.
Развалины флигелей черных,
Как зубы больные, гниют.

Трехтонка последняя мчится,
Чихая, по насыпи вдаль.
И женщины все пересчитывают
Спасенный фарфор и хрусталь.

© Ахматов А., 2020

Лариса Бабкина

К сверкающей заре Победы

В августе 1941 года, в дни, когда фашисты стояли на подступах к городу Ленина, штурмовали его, когда всё, казалось, рушилось и качалось, Ленгорисполком принял решение: в ознаменование 100-летия со дня рождения писателя Федора Решетникова переименовать Георгиевскую улицу в улицу Решетникова. Этот факт поражает воображение. Да – война... Но – какое немислимое спокойствие, твердость, уверенность! Как будто смерть близких, голод, бомбежки – не главное, все это шло как бы поверх сознания, а внутри – дело, долг, память.

Федор Михайлович Решетников родился в Перми 5 (17) сентября 1841 года. В августе 1863 переехал в Петербург и поступил чиновником в министерство финансов. В 1864 в журнале «Современник» появилось его наиболее значительное произведение – повесть «Подлиповцы», в которой изображались ужасающая нищета и бесправие крестьян. После чего Решетников оставил службу и всецело занялся литературным трудом. Редакция журнала (ежемесячного) находилась тогда на Литейном проспекте, 38, рядом с квартирой Некрасова. Журнал пользовался огромной популярностью в кругах прогрессивной интеллигенции, о чем свидетельствует его тираж (например, в 1861 году – 7 126 экземпляров, что было необычным для того времени). В журнале печатались произведения Гончарова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Н. Г. Помяловского, Г. И. Успенского и др. После покушения Каракозова на Александра II в 1866 журнал был закрыт.

В Петербурге продолжают выходить романы Решетникова: «Горнорабочие» (1866), «Глумовы» (1866–1867), «Где лучше?» (1868), «Свой хлеб» (1870). Суровые материальные лишения подточили здоровье писателя: он умер 9 (21) марта 1871 года, когда ему не было и 30 лет. Похоронен на литераторских мостках Волкова кладбища. Но память о нем живет в названии улицы, начинающейся от Московского проспекта возле метро «Электросила» и продолжающейся за Сызранскую улицу. Невольно возникает вопрос: сколько жителей улицы Решетникова знают о нем как писателе, найдется хотя бы один человек, прочитавший хотя бы один из его романов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.